

аматор, величність, відлюдько, вітрогонка, горошок, деренчатий, дивування, дрібниця, дрібнолистий, дур). Между тем даже «невооруженным глазом» можно заметить, что язык этих цитат лексикой и синтаксисом резко отличается от языка украинских рассказов М. Вовчок. Вот один пример: «Солодкий був такою задоволення, що навіть у нього трошки звичайної величності пропало».

Из других недостатков словаря, уже больше технического порядка, укажем на такие, как помещение под одним словом или выражением нескольких цитат из одного и того же автора (см. слова *багатий, бухати, виітроювати, гинути, добігати* и пр.), повторение той же цитаты в разных статьях (например, на слова *володар* и *відчикрижити, гороб'ячий* и *вільшанка, древній* и *дід*), при цитировании литературных примеров — применение разных шрифтов (разрядки, полужирного шрифта, курсива), которые имеют в словаре каждый свое отдельное назначение (см. слова *важливо, вигідно, визнання, громадянський, гуртування* и др.). В стихотворных цитатах новая строка начинается то с прописной, то со строчной буквы. Непоследовательны и указания на принадлежность реплики определенному персонажу в цитатах из драматических произведений.

Отметим, наконец, обнаруженные нами опечатки, особенно нежелательные в такого рода изданиях. При слове *дощ* нет русского соответствия. При словах *деревина* и *жалітися* стоит цифра 1 (нумерация значений), и больше никакой цифры нет. С неверным ударением напечатано *житіє* (вместо *житіє*). В неправильном написании подан исторический термин *віра* (русское «вира»), хотя на соответствующем месте дана и правильная форма — *вира*. В статье на слово *десятковий* читаем *десяткові дробі*, хотя дается вообще *дріб, дробу*. В статье на слово *грудуватий* в цитате из Панферова *Жарков* превратился в *Жарка*, в слове *відсовувати* в цитате из Коцюбинского вместо *нізчима юшка* напечатано *нікчемна юшка*. В примере из Котляревского (см. слово *виглясом*) нужно было написать *перед Енеєм*, а не: *перед Енеєм*. В цитате из Леси Украинки: «Хлоп'я спинилось. Нам обоим волосся стало *дубом*» — последнее слово следует читать *дуба* (под этой вокабулой).

Все указанные выше огрехи и недосмотры не снижают общей положительной оценки работы. На одно пропущенное слово, на одну неудачную стилистическую помету, на одно неверное толкование в словаре приходится десятки и десятки слов, впервые включенных в словник, сотни удачных стилистических характеристик, множество оригинальных и точных разработок разных значений слова. К тому же, как сказал полугенеральный пращур славянской филологии черноризец Храбр, легче потом исправить, чем впервые создать — «удобше бо єсть послєжде потворити, неже прьвое створити». В последующих изданиях — а такие словари должны переиздаваться по меньшей мере каждые десять лет — эти недостатки будут, несомненно, устранены. Пожелаем Институту языкознания АН УССР успешно завершить начатое им нужное и важное дело.

Н. А. Лукаш

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. МОРФОЛОГИЯ. (КУРС ЛЕКЦИЙ.)

[Для выпс. учеб. заведений.] Под ред. В. В. Виноградова. — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1952. 520 стр. (Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.)

Рецензируемая работа представляет собою учебное пособие для высших учебных заведений. Поэтому при ее оценке следует рассмотреть два вопроса: 1) отвечает ли эта работа требованиям, предъявляемым к ней как к научному труду по русскому языкознанию, и 2) соответствует ли она тому методическому уровню, какой должна иметь книга, предназначенная служить учебным пособием для вузов*.

«Курс лекций» как научный труд

1. Диалектико-материалистическая методология в книге вполне выдержана. Освещение научных проблем дано с позиций марксистско-ленинского учения о языке. Вопросы сущности языка, характера грамматики, места морфологии в системе наук о языке понимаются коллективом авторов правильно.

* Первая часть рецензии («Курс лекций» как научный труд) принадлежит В. Е. Федорову, вторая («Курс лекций» учебное пособие) — В. М. Филипповой.

Ценным вкладом в науку является освещение вопросов современного русского словообразования. Автор этого раздела — акад. В. В. Виноградов — в развитие и в обоснование высказанных им незадолго до выхода в свет рассматриваемой книги теоретических положений по вопросу словообразования привел огромный материал по этому вопросу, тщательно систематизированный и глубоко и тонко проанализированный. В главе о глаголе (автор — проф. П. С. Кузнецов) сделана попытка оригинально и творчески подойти к решению ряда вопросов данного раздела. Стройностью и ясностью изложения и обилием умело подобранного фактического материала отличается статья об имени прилагательном (автор — доц. Н. Ю. Шведова).

Однако, несмотря на ряд несомненных достоинств, рассматриваемый труд, к сожалению, не лишен серьезных и притом многочисленных недостатков. От книги, написанной ведущими работниками столичного университета, можно было ожидать новой постановки и разработки ряда проблем русской грамматики. На самом же деле научно-теоретической новизны, не считая раздела, посвященного вопросам словообразования (что уже было отмечено выше), мы почти не обнаруживаем в книге. Между тем нерешенных вопросов, а также вопросов, требующих пересмотра, в морфологии русского языка немало. Во всяком случае в научном курсе должно было быть дано всестороннее освещение крупных проблем грамматики русского языка; нельзя было ограничиваться описанием грамматических явлений без учета их развития и их системных взаимоотношений.

Кроме того, многие научно-теоретические вопросы освещены неудовлетворительно. Рассмотрим все неправильно освещенные теоретические положения в рамках рецензии не представляется возможным. Укажем на наиболее существенные из них.

2. В вводной главе (автор — проф. П. С. Кузнецов) неудовлетворительно освещен ряд вопросов, в том числе вопрос о грамматической категории. «Под грамматическими категориями», — сказано на стр. 28, — понимаются значения обобщенного характера, свойственные словам и сочетаниям слов в предложении, но отвлеченные от конкретных значений этих слов (только слов? а сочетаний слов? — В. Ф.), а именно значения отношений различного порядка (отношений данного слова к другим словам в предложении, отношений к лицу говорящему, отношений сообщаемого ко времени и к действительности¹), выражаемые внешними языковыми средствами, т. е. в изменении отдельных слов и в сочетании слов в предложении. Далее дано специальное определение морфологических категорий, из чего следует, надо полагать, что данное ранее общее определение грамматических категорий имеет в виду как категории морфологии, так и категории синтаксиса. Но в чем отличие одних от других? Из определения этого не видно. Не помогает и сопоставление общего определения с частным определением морфологических категорий. Последние определены как «указанные выше значения обобщенного характера, выражаемые в изменении отдельных слов». Казалось бы, что при исключении из более широкого, общего определения тех значений, которые относятся к доли морфологии, в определении должны остаться синтаксические значения. Но в действительности ничего не остается, так как перечисленные в общем, суммарном определении грамматические значения являются сплошь морфологическими². Читателю-учащемуся невольно может прийти в голову мысль: может быть, значения и у морфологических категорий, и у других, не названных в определении, одни и те же, а разница между ними лишь в способе их выражения, судя по тому, что в отношении всех грамматических категорий в целом сказано, что они находят себе выражение и в изменении отдельных слов, и в сочетании слов в предложении, а в отношении морфологических категорий говорится, что они находят выражение в изменении отдельных слов. Но, разумеется, такая мысль будет ошибочной.

Таким образом, ни общее определение грамматических категорий, ни определение морфологических категорий (о которых, между прочим, даже не сказано, что они свойственны частям речи) не являются удовлетворительными.

3. Формы словоизменения определены в книге очень глухо и неясно: о них говорится (стр. 31), что это — «формы, выражающие различные отношения одного и того же слова» (отношения к чему? — В. Ф.). Неизвестно, понимается ли под формой словоизменения все измененное слово или же только аффикс, при помощи которого произведено изменение слова. Не освещается также и вопрос о так называемой начальной форме слова, т. е. вопрос о том, в каком смысле, например, именительный падеж существительного является (и является ли?) формой словоизменения.

¹ Следовало бы указать, что этот перечень является примерным, иначе его могут понять как *numerus clausus*, а это будет неверно. — В. Ф.

² Особого замечания заслуживают «отношения сообщаемого ко времени и к действительности»: значения этих отношений являются морфологическими категориями (время и наклонение глагола), а также и синтаксическими (категории времени и модальности, подводимые под общее понятие «предикативности»).

Формы словообразования определены как «формы, служащие для образования новых слов от одного корня... Так, например, уменьшительная форма (существительных, прилагательных — все равно) обычно считается формой словообразования...» (стр. 31). Опять неясно: понимается ли под формой все слово или же только словообразующий аффикс?

Но особенно не удовлетворяет читателя то, что в книге совершенно не сказано, что же такое грамматическая форма слова. Не говорится, входит ли или не входит в понятие грамматической формы слова словообразовательная форма. Словом, не объяснено, что грамматическую форму слова надо понимать не в духе учения акад. Ф. Ф. Фортунатова, а так, как этому учит акад. В. В. Виноградов. Давая понятие грамматической формы слова, надо было связать его с более широким понятием грамматической формы вообще как средства выражения грамматической категории, показав при этом, какие грамматические категории какими именно формами выражаются.

4. В вводной главе крайне неясно и нечетко говорится о месте словообразования в системе наук о языке. На стр. 32 читаем следующее: «Словообразование, поскольку речь идет о способах образования различных слов от одного корня, тесно связано с лексикологией». Как понимать это «поскольку»? Как слово, ограничивающее словообразование аффиксальной его разновидностью (имея в виду, что есть и другие виды словообразования), или же как союз причинного значения? Читателю это неясно. Но и в том и в другом случае связь словообразования с лексикологией остается не установленной, не показанной. Далее говорится: «Но его (словообразование. — В. Ф.) необходимо рассматривать и в морфологии, во-первых, потому, что в словообразовании часто используются те же структурные средства, что и в словоизменении (то есть те же аффиксы? Точнее говоря, имеется ли в виду спаянность словообразовательных элементов с формами словоизменения? — В. Ф.), а, во-вторых, потому, что некоторые явления словообразования имеют значение и для словоизменения», например категория рода имен существительных. Эта категория, по мнению автора, «является категорией словообразовательной, и формы, выражающие ее, являются формами словообразования» (*лев* и *львица*, *волк* и *волчица* являются разными словами), но тем не менее род существительных должен рассматриваться в морфологии, потому что «от различия в роде существительных зависит различие рода прилагательных...; формы же рода у прилагательных являются формами словоизменения...» (стр. 33).

Мнение автора о природе категории рода имен существительных, понимание им этой категории и форм, ее выражающих, как словообразовательной категории и словообразовательных форм, нельзя признать правильным. В самом деле, какое значение может иметь для решения вопроса о природе категории рода имен существительных то обстоятельство, что *лев* и *львица* и т. п. являются разными словами?

Вопрос о категории рода имен существительных не сводится к вопросу о словообразовании названий лиц и животных женского рода. Рамки первого вопроса гораздо шире: любое существительное, в том числе и такие названия животных, в которых не выражен пол, т. е. существительные, не имеющие парных родооловых образований (*собака*, *лошадь*, *крыса*, *сурок*, *муха*, *жук*, *филин*, *сова*, *щука*, *окунь* и т. п.), а также и все неодушевленные существительные, по отношению к которым не может быть и речи о парных родовых образованиях (*топор*, *стена*, *море* и т. п.), относятся в единственном числе к одному из трех грамматических родов.

Категория рода имен существительных является не словообразовательной, а грамматической, а именно синтаксико-морфологической категорией, и выражается она двояко: а) морфологическим средством — типом склонения и б) синтаксическим средством — согласованием прилагательного в роде с существительным³.

Возвращаясь к вопросу о двойной связи словообразования — и с грамматикой, и с лексикологией, следует отметить, что вопрос этот не получил надлежащего освещения в вводной главе книги (но в специальной главе, написанной другим автором — акад. В. В. Виноградовым, он трактуется правильно, хотя и не так четко,

³ Допущенная автором ошибка объясняется тем, что в этом вопросе он оказался в плену старых воззрений, идущих от А. М. Пешковского, который, развивая учение Ф. Ф. Фортунатова, считал категорию рода имен существительных, как не носящую синтаксического характера, т. е. не зависящую от других слов в предложении, словообразовательной категорией. С точки зрения Пешковского, не только существительное *львица*, но также и *лев*, и *барсук*, и *дуб*, и *береза*, и *озеро* — словом, каждое существительное имеет несинтаксическую (словообразовательную) категорию рода. Современная точка зрения на вопрос о словообразовательных категориях ничего общего не имеет с таким пониманием. Что касается вопроса об образовании слова *львица* от слова *лев* и т. п., то здесь речь может идти не о категории рода существительных, являющейся, повторяем, грамматической категорией, а о словообразовательной категории названий самок животных (точно так же, как в применении к словам *баловница*, *виновница*, образованным от *баловник*, *виновник*, можно говорить о словообразовательной категории лица женского пола).

как в другой, более поздней работе того же автора — «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии»).

Несомненно, что словообразование как отдел науки о языке нельзя считать ни частью лексикологии, ни частью грамматики: оно связано и с той и с другой и, надо думать, со временем будет признано самостоятельным разделом языкознания (вопрос этот поставлен в последнее время в работах ряда ученых)⁴.

5. Морфология определена в рецензируемой книге как «собрание правил изменения слов» (стр. 21, 27, 31). Об изменениях же слов сказано, что они «могут носить двойной характер». Одни из них — это изменения слов типа *дом — дома — дому* и т. д., *говорю — говоришь — говорит — говорил* и т. д. Но эти изменения поставлены в книге на второе место. Изменения же первого рода — это такие изменения, которые «имеют результатом образование новых слов как выразителей новых понятий. Ср., например, слова *стол* и *столлик*. В последнем случае посредством введения суффикса *-ик* создается новое слово, выражающее некоторое новое понятие, связанное, однако, с тем понятием, которое выражено производным словом *стол*» (стр. 31). Можно думать, что сюда же войдут и слова *столовая, столоваться* и т. п., а также такие примеры, как *железо — железный, белый — белизна* и т. п.

Но имел ли в виду автор подобные случаи? Считает ли он эти случаи, т. е. случаи бесспорного, несомненного словообразования, изменением слов? Такому пониманию противоречит не только логика вещей (словообразование не есть словоизменение), но и то обстоятельство, что сам автор совершенно определенно различает словоизменение и словообразование (стр. 31 и 32). Поэтому скорее следует думать, что к словоизменению отнесены автором не такие образования, как *столовая, столоваться*, а только такие, как *стол* и т. п., т. е. лишь формы субъективной оценки имен существительных. Но даже если только эти случаи имеются в виду (что тоже неправильно, так как образование форм субъективной оценки является не формобразованием, а словообразованием), то как понять, что изменения слов этого рода «имеют результатом образование новых слов как выразителей новых понятий»? Такое утверждение внутренне противоречиво.

Одно из двух: или слово изменилось, и тогда нельзя говорить об образовании нового слова как выразителя нового понятия, или же образовалось новое слово, выразитель нового понятия, и тогда нельзя говорить об изменении слова. Нельзя не заметить в этой связи, что в академической «Грамматике» данный вопрос получил более удачное разрешение⁵.

Итак, объектом морфологии в рецензируемой книге признаны формообразование и словообразование (последнее, правда, с некоторыми оговорками; практически же аффиксальное словообразование вошло в данную книгу). Но при таком определении объекта морфологии слова, не имеющие грамматических и словообразовательных форм (несклоняемые существительные, многие наречия, предлоги, союзы и проч.), оказываются за пределами морфологии и попадают в нее контрабандным путем. Из этого видно, что рамки определения морфологии как «собрания правил изменения слов» оказываются слишком тесными.

Пусть верно то, что формообразование — это основа морфологии, что в тех языках, где нет формообразования, нет и морфологии. Но если в языке, высоко развитом в отношении формы, есть, наряду со словами, имеющими грамматические формы, и слова, не имеющие системы форм (форм словоизменения), то предмет морфологии, изучающей и эти последние слова, надо определить так, чтобы были охвачены и неизменяемые слова. Иначе определение морфологии неточно.

Тем самым нельзя признать точным и общее определение грамматики (в составе морфологии и синтаксиса) как «собрания правил об изменении слов и сочетании слов в предложении» (стр. 21). К тому же и определение синтаксиса как собрания правил о сочетании слов в предложении (стр. 21) является недостаточным, так как оно не учитывает однословных предложений.

6. В понятие «части речи» автор главы II, проф. Н. С. Поспелов, вкладывает разное содержание: то он рассматривает части речи как универсальное понятие, охватывающее все типы слов (полнозначные слова, служебные слова, модальные слова и междометия) в составе входящих в эти типы тринадцати разрядов слов (существительное, прилагательное и т. д.), то он под частями речи, в соответствии с концепцией акад. В. В. Виноградова, понимает только полнозначные слова. С одной стороны, глава, в которой рассматриваются все четыре типа и тринадцать разрядов слов, озаглавлена «Части речи», точно так же как § 2, в котором рассматриваются все четыре типа слов, озаглавлен «Состав и система частей речи...», с другой же стороны, — в схеме (стр. 41), а также в тексте §§ 2 и 3 термин «части речи» относится лишь к семи разрядам полнозначных слов.

⁴ См., например: «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 18; М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 53—54.

⁵ См. «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, § 16.

В итоге получается разнобой. Неясно, например, что разумеется под «частями речи» в первой же фразе § 1 («Части речи в русском языке представляют собой лексико-грамматические разряды слов, которые...» — стр. 36): то ли все тринадцать разрядов слов, то ли только семь. А следовательно, неясно, признаются ли лексико-грамматическими разрядами предлоги, союзы, частицы и другие неполнозначные слова.

На стр. 39 читаем: «Наиболее глубокую классификацию частей речи... дает В. В. Виноградов в своей книге „Русский язык“. По его мнению, части речи „прежде всего распадаются на две большие серии слов... В одной серии оказываются категории имен, категория местоимений и категория глагола, в другой — категория наречия“». Нельзя не отметить по этому поводу, что замечание о ценности и глубине разработки акад. В. В. Виноградовым грамматической классификации слов должно быть отнесено не только к «частям речи» в смысле полнозначных слов — им в целом создана глубокая систематика слов. И начинать изложение этой системы следовало бы, в соответствии с учением акад. В. В. Виноградова, с деления слов на четыре типа, дав развернутую характеристику каждому из типов, а затем уже переходить к рассмотрению отдельных классов, входящих в первые два типа.

И во всяком случае совершенно необходим универсальный термин, охватывающий все тринадцать разрядов слов. Термин «лексико-грамматические разряды слов» громоздкий и потому неподходящий. Примечательно, что в схеме, приведенной на стр. 41, все части речи в целом названы не этим неуклюжим термином, а другим — «категории слов». Но какие это категории? Ведь рубрики внутри отдельных частей речи («собственные существительные», «нарицательные существительные», «качественные прилагательные», «относительные прилагательные» и т. п.) — тоже категории слов. Термин «категории слов» расплывчатый и не может заменить традиционного термина «части речи». Отказываться от последнего как универсального термина нет достаточных оснований, поскольку не предложен другой, более подходящий. Придавать этому термину не всеобъемлющий, а ограниченный характер, охватывая им только семь разрядов слов, также нет необходимости, так как для этих последних существует удобный и вполне адекватный термин — «полнозначные слова», который, к тому же, по самой своей формулировке, соотноситель с наименованиями других типов слов (служебные слова, модальные слова).

В книге не дано объяснения, почему части речи признаются лексико-грамматическими, а не просто грамматическими разрядами слов и почему эти лексико-грамматические разряды изучаются в грамматике, а именно в морфологии.

7. При определении имени существительного сделана попытка расклассифицировать существительные по характеру их семантики (см. стр. 57). Но стоит сравнить установленные в рассматриваемой книге семантические группы (а) живые существа, б) предметы и события реальной действительности, в) явления, свойства и отношения как предметы мысли с теми, которые даны в академической «Грамматике» тем же автором (проф. Н. С. Поспеловым), чтобы убедиться в том, что классификация эта очень шаткая: в академической «Грамматике», например, стоят рядом «явления и события реальной действительности», здесь же они разделены: из перечня «предметов, явлений и событий реальной действительности» «явления» исключены и перенесены в перечень «предметов мысли», причем из этого последнего перечня вовсе изъяты «действия и состояния», так что *игра*, *сон* по новой классификации рассматриваются не как действие и состояние, а как явление. Улучшена ли этим классификация? Позволительно усомниться. Имеет ли такая классификация значение для грамматики? Это не показано.

Надо было не просто перечислить семантические группы, а показать, как непредметные сами по себе понятия опредмечиваются категорией имени существительного; надлежало путем сопоставления существительных, имеющих предметно-логическое значение, с существительными других семантических групп (обозначающих действия, состояния, свойства и т. п.), глубже раскрыть понятие «предметности».

Нельзя не заметить, наконец, что семантическая классификация имен существительных в том виде, как она дана автором, содержит ошибку методологического характера. В этой классификации противопоставлены существительные, обозначающие предметы и события реальной действительности (*поле*, *сад*, *деревня*, *пожар*, *свадьба*), существительные, называющие в качестве предметов мысли явления, свойства и отношения (*борьба*, *движение*, *страх* и др.). Такое противопоставление может быть понято как противопоставление «предметов реальной действительности» «предметам мысли», между тем как *борьба*, *движение* и т. п. являются такими же реальными явлениями и событиями, как *свадьба*, *пожар* и т. п. В трактовке автора есть опасность скатиться до позиций англо-американской семантики, до поддержки ее теории о физическом контексте и факции. Но отмеченной методологической ошибки не было бы, если бы имена существительные второй группы были охарактеризованы как существительные, называющие в качестве предметов мысли явления, свойства и отношения реальной действительности.

Определение имени существительного (см. стр. 58) в целом сформулировано превосходно, но оно не охватывает несклоняемых существительных. Проведя сравнение с академической «Грамматикой», мы видим, что автор исключил из темы «Грамма-

тические категории имен существительных» пункты о собственных и нарицательных существительных, об одушевленных и неодушевленных существительных, оставив в разделе «категорий имен существительных» только категории рода, числа и падежа.

Вызвано это, очевидно, тем, что названные существительные (собственные и нарицательные, одушевленные и неодушевленные) образуют особые группы, тогда как по линии падежа, числа и даже рода существительные не образуют подобных групп. Такое разграничение не лишено основания, но нельзя производить его ценою отбрасывания специальных грамматических категорий, присущих одушевленным и неодушевленным существительным (в русском языке, как известно, имеется особое морфологическое средство их различия), а также категорий, присущих собственным и нарицательным существительным (они тоже дифференцируются морфологически: собственные имена не имеют формы множественного числа).

В статье об имени существительном следовало бы подробнее осветить проблему грамматического рода, показать историчность этой грамматической категории и глубже поставить вопрос о так называемом общем роде имен существительных в русском языке.

8. Определения многих частей речи (имени прилагательного, имени числительного и др.) имеют общий недостаток: в определение включается лишь один признак — смысловой, а не все три конструктивных признака — семантический, морфологический и синтаксический. В результате создается впечатление, будто классификация частей речи построена не на единстве трех указанных признаков, а на одном лишь семантическом признаке.

Имя прилагательное определено (автор — доц. Н. Ю. Шведова) как «часть речи, обозначающая признак предмета» (стр. 131). Однако не всякое слово, обозначающее признак предмета, является именем прилагательным. Достаточно сказать, что имя существительное (как об этом говорится на стр. 57) тоже может обозначать признаки или свойства (*страх, белизна*). Признак предмета обозначается также особой глагольной формой — причастием. В чем специфика имени прилагательного как части речи, обозначающей признак предмета, не сказано.

На стр. 132 читаем: «Качественные имена прилагательные обозначают качество, т. е. непосредственно воспринимаемый признак предмета, который, как правило, может проявляться в большей или меньшей степени». Такое определение нельзя признать удовлетворительным. Непонятно, что значит «непосредственно воспринимаемый признак предмета». Непосредственно воспринимаемыми признаками оказываются такие, например, признаки, как *алый, гордый, хитрый* и т. п., но не такие, как *стеклянная (посуда), волчий (хвост)* и т. п. Тут допущена явная ошибка: нужно говорить «признаках, непосредственно обозначаемых именами прилагательными» (в отличие от таких признаков предметов, которые обозначаются через отношение этих предметов к другим предметам), а не о «непосредственно воспринимаемых признаках предмета».

Не выдерживает критики и классификация «непосредственно воспринимаемых признаков предмета» уже хотя бы по одному тому, что в качестве одной из ее групп называется такая, как «свойства и качества вещей, непосредственно воспринимаемые органами чувств» (*горький, тяжелый* и др.). Если эти признаки воспринимаются органами чувств, то чем воспринимаются другие «непосредственно воспринимаемые признаки предмета»? Нельзя не заметить также, что эта классификация не учитывает многозначности и переносного употребления слов (т. е. таких примеров, как *тяжелый характер, горькие упреки, хитрый замысел, мудрый совет* и т. п.).

Притяжательные имена прилагательные рассматриваются не в составе относительных прилагательных, а как основная категория прилагательных, т. е. выделяются не две, а три основные группы имен прилагательных: качественные, относительные и притяжательные (стр. 132). Однако такое отступление от обычного деления не мотивировано. И, кроме того, в такой классификации не соблюден принцип деления. Из сопоставления определений всех трех групп видно, что единое основание деления установлено для традиционного расчленения имен прилагательных на две основные группы: качественные и относительные, третья же группа (притяжательные прилагательные) определена по существу как подгруппа относительных.

9. Антиисторический подход к рассмотрению фактов языка отрицательно сказался на разработке раздела «Глагол» (автор — проф. П. С. Кузнецов). Категория залога трактуется автором как категория, оформляемая только морфологическими, но не синтаксическими внешними выразителями грамматического значения (см. стр. 333 и сл.). Однако если в языке есть грамматическая категория, которая частично выражается морфологическими средствами, а частично — синтаксическими, последние не могут отбрасываться, и тем самым не может быть сужена сфера действия данной категории. Непонимание системного взаимодействия морфологических и синтаксических средств оформления грамматической категории привело автора данного раздела в конечном счете не к решению проблемы залога, а к статистическому перечислению значений, придаваемых глаголу аффиксом *-ся*, и к сбивчивой трактовке залогов.

Грамматическая многозначность частицы *-ся* запутала автора потому, что он по-

дошел к ней с масштабом первоначальной самостоятельной этимологической значимости, упуская из вида, что этимология грамматических формантов в силу особой интенсивности процессов грамматического абстрагирования настолько далеко отстоит от их современных значений, что фактически она уже ничего не может объяснить при анализе грамматической формы, если не учитываются процессы становления этой формы⁶.

Переходность и непереходность глагола не признается в рассматриваемой книге (как и в других трудах по грамматике) за особую грамматическую категорию (см. стр. 334). Между тем несомненно, что значение переходности или непереходности заложено в любом глаголе русского языка, причем определяется оно в целом синтаксически (по сочетаемости или несочетаемости с винительным падежом прямого дополнения), а отчасти и морфологически (например, у глаголов с аффиксом *-ся*). Поэтому следует считать переходность и непереходность особой грамматической категорией глагола, которая носит не просто морфологический, а морфолого-синтаксический характер⁷. Несмотря на ее морфолого-синтаксический характер, эта категория свойственна глаголу, т. е. части речи, а не члену предложения — сказуемому, так как она присуща и непредикативным формам глагола (причастию и деепричастию). Именно поэтому она и рассматривается в морфологии, а не в синтаксисе, т. е. тем самым фактически признается категорией глагола.

В статье о глаголе недостаточно четко освещены и другие вопросы. Так, например, раздел «Категория времени» много выиграл бы при наличии сравнительно-исторического подхода к материалу русского языка. Кроме того, следовало бы подчеркнуть отсутствие грамматической категории относительности времени в русском языке⁸. Относительность времени выражается в русском языке лексически или смыслом всего контекста, но не с помощью специального морфологического или синтаксического оформления. При сопоставлении с языками, где грамматическая категория относительности времени существует, была бы достигнута большая яркость и наглядность теоретического раскрытия особенностей системы русского языка, что и должно быть целью научной грамматики всякого языка в отличие от пособий для средней школы, где достаточным является сообщение лишь нормативных сведений.

10. Перечень научно-теоретических недостатков книги можно было бы значительно приумножить. Можно было бы указать еще на ряд недочетов — крупных и мелких. Мелких мы вообще здесь не касались, но и они вызывают у читателя чувство неудовлетворенности. Например, говорится, что «часть слова за вычетом окончания называется основой» (стр. 34), тогда как основой называется «та часть слова, которая остается, если отнять у него окончание и формообразующий суффикс» (академич. «Грамматика», § 24). Или, например, в статье Н. Ю. Шведовой ошибочно утверждается, что «от качественных прилагательных возможно образование... увеличительных форм», помимо уменьшительно-ласкательных. Примеры, разумеется, не приведены (стр. 133)⁹. Подобных неточностей и неправильностей в книге очень много.

11. Язык книги, подача материала в целом также оставляют желать лучшего, что было уже отмечено в газете «Известия» (от 18 дек. 1953 г.). Тяжелое впечатление производят многочисленные опечатки и искажения. Приведем несколько примеров. Напечатано: «При наличии парных образований мужского и женского рода у существительных со значением лица, формой мужского рода обозначается в то же время и социальная роль человека независимо от пола» (стр. 62). Нужно: «При отсутствии парных образований...» На стр. 155 сказано: «...притяжательные прилагательные означают принадлежность одному лицу или животному». Нужно, повидимому: «принадлежность предмета определенному лицу или животному». На стр. 283 читаем: «Термин „наклонение“, не выражающий существа этой категории, но по традиции, укрепившейся в нашей грамматике, представляет собой...» Нужно: «...по традиции укрепившийся...». На стр. 363 напечатано «состоятельного отношения» вместо «обстоятельного». На стр. 364 цитируется дерматовский стих в искаженном виде: «Нет, не жду от жизни ничего» вместо «Уж не жду...». На стр. 226 напечатано: «Уж восемь робертов сыграли». На стр. 70 (в примечании) созвездие называется «Бесы» вместо «Весы». Сошлемся также на другие опечатки, обозначив страницы и строчки в виде дроби: 30/11 стр., 39/2 стр., 50/13 стр. и 12 стр., 62/7 стр., 70/2 стр., 72/12 стр., 416/10 стр. и др.

В заключение следует повторить, что рассматриваемая книга, являясь очень важной и полезной, вместе с тем со стороны научно-теоретической нуждается в серьезных исправлениях, после чего только она будет полностью отвечать своему назначению.

В. Е. Федоров

⁶ Эта мысль высказана доц. Т. А. Дегтеревой.

⁷ Оставляем в стороне особый вопрос о соотношении времени глагола и деепричастия.

⁸ Но в статье акад. В. В. Виноградова (стр. 204) говорится вполне правильно и точно, что «качественные прилагательные... могут иметь уменьшительно-ласкательные, и некоторые из них и усиленные формы» (а не увеличительные).

«Курс лекций» как учебное пособие

К несомненным достоинствам книги относится то, что она написана в соответствии с ныне действующей, тщательно разработанной вузовской программой по курсу современного русского языка. Читатель найдет в этой книге освещение почти всех программных вопросов. Однако «Курс лекций» как учебное пособие имеет ряд недостатков.

Одна из основных задач курса «Современный русский язык» — дать студентам представление о системе современного русского языка, показать взаимосвязь, взаимообусловленность явлений. Задача эта осложняется тем, что в самой системе русского языка в его современном состоянии многое еще не изучено. По целому ряду очень важных проблем нет единого мнения. Как же нужно излагать эти нерешенные и спорные вопросы?

Не претендуя на исчерпывающий анализ огромного и в значительной части очень интересного материала, данного в пособии, остановимся лишь на нижеследующих общих вопросах, указывая на допущенные здесь явные противоречия и ошибочные положения: 1) об «объеме» морфологии, 2) о смещении лексических и грамматических факторов, 3) об исторических справках, 4) об изложении истории проблем, 5) о характере определений и формулировок.

1. В «Курсе лекций» морфология представлена в ее «традиционном» объеме. Сама проблема объема морфологии не нашла отражения ни во «Введении в морфологию», ни в главе «Части речи», ни в изложении конкретных глав. А между тем далеко не все включенное в курс относится к морфологии и может подвергнуться морфологическому анализу. В «Морфологии» в одном ряду со знаменательными частями речи «идут» служебные слова, модальные слова, междометия. Нигде четко и определенно не объясняется, почему эти группы слов нашли себе место в морфологии, в каком аспекте они должны быть рассмотрены в ней.

Из параграфа «Общая характеристика частей речи» (стр. 36—37) можно понять, что принимается лексико-морфологическая классификация слов акад. В. В. Виноградова. Но в конкретных характеристиках принципы, положенные в основу этой классификации, последовательно не выдерживаются. Нет общего заголовка к частям речи, о предлогах говорится как о служебной части речи (стр. 453), то же говорится о частицах (стр. 431). И ни в главе о предлогах, ни в главе о союзах даже не поднимается вопрос об особом положении в морфологии этих групп слов, об их «синтаксичности», хотя характеристики прямо говорят об этом.

Описание частиц (стр. 412—413) создает очень неясное представление об их функциях. Параграф называется «Понятие частицы и синтаксический характер ее функций». Автор отграничивает частицы от предлогов и союзов, имеющих «свою определенную служебную функцию», и от модальных слов, которые «лексически более самостоятельны». «Частица же, — пишет автор, — оттеняет не только смысл предложения, но и тот или иной смысл отдельного слова или словосочетания» (стр. 414). Однако и сравнения, приведенные автором, не помогают понять ни синтаксические, ни «семантические» функции частиц. Вполне естественно недоумение, чем же мотивируется включение всех частиц в морфологию. Формообразующим частицам, которым нужно было бы в морфологии уделить больше внимания, отводится буквально несколько строчек, словообразующим — одна страница.

2. Вопрос о взаимосвязях лексики и грамматики очень сложен. Не всегда возможно четко отграничить лексические явления от грамматических. Но есть такие факты смещения этих явлений, которые давно уже были отмечены в лингвистической литературе, и тем не менее они «по традиции» оставлены в университетском курсе «Морфологии».

Большей частью это наблюдается в классификациях. Многие классификации, являющиеся собственно лексическими, даются без объяснения, какое отношение они имеют к морфологии. Так дана классификация наречий (места, времени, цели и т. д.). Она полезна для выяснения функций наречий в предложении, но морфологически не аргументирована. То же нужно сказать и о классификации слов, относящихся к категории состояния (стр. 399—400).

Нельзя признать грамматически аргументированным и включение порядковых числительных в категорию числительных. Два аргумента выдвигаются автором как определяющие при решении этого вопроса: лексическое значение, связывающее их с количественными числительными, от которых они и производятся, и их функции. Наличие указанных фактов неоспоримо, но совсем непонятно, в чем заключается отличие функций порядковых числительных от функций прилагательных. Автор противопоставляет понятие «синтаксическое употребление» понятию «функция», не разъясняя этого. Обозначение порядка следования предметов при счете не является грамматической функцией. С таким же основанием можно сказать о «функциях» различных семантических групп прилагательных, обозначающих «временное следование», «расположение в пространстве» и т. п.

Едва ли правомерно говорить о «взаимопереходах таких категорий, как количество и качество», в порядковых числительных. Во-первых, неясно, в каком значении употреблены слова «категории количества и качества» — как грамматические категории или как философские? Во-вторых, лишь очень условно можно говорить о количестве по отношению к порядковым числительным. В-третьих, переход «особенно-порядковых» в «качественно-порядковые» сравнительно редкое явление, ограниченное очень узкими рамками, включающими в себя несколько порядковых числительных: «первый, второй, третий».

Автор совершенно определенно высказывается о том, что заставило его отнести порядковые числительные в категорию числительных: «Основа порядковых числительных выражает количественное понятие, а отсюда их непосредственное отношение к числу и порядку при счете» (стр. 231). Лексическое значение явно «взяло верх» над грамматическими свойствами порядкового числительного, над его морфологическими и синтаксическими качествами.

В главе о местоимениях следовало бы сделать особое ударение на том общем, что объединяет не имеющие единых форм слова в одну часть речи. Но изложение материала скорее внушает другую мысль — мысль о грамматической (и морфологической, и синтаксической) близости групп местоимений с существительными, прилагательными, числительными. После определения местоимений как части речи автор сразу же переходит к их делению по соотносительности с другими частями речи (стр. 235), а затем и делению по разрядам (стр. 237).

Сопоставление двух групп критериев, по которым проводится двойная классификация местоимений, вызывает недоумение. Неясно, какое содержание вкладывает автор в используемые им термины: «лексическое значение», «значение», «грамматическая структура», «формальные признаки», «функция», «функционально-синтаксические свойства». Если под грамматической структурой понимать только морфологическое строение местоимений, то нельзя согласиться с тем, что местоимения-существительные соотносительны с существительными, а местоимения-числительные — с числительными. У местоимений своеобразная структура; специфичны и формы их изменения. Автор не объясняет, почему он называет их морфологическими синонимами (вообще термин «морфологические синонимы» не раскрывается). Местоимения соотносительны с другими частями речи по их синтаксическим функциям. Остается непонятным, вкладывает ли автор различное содержание в термины «лексическое значение» и «значение». Анализ материала не вскрывает этого различия, так же как и различия в содержании терминов «функция» и «функционально-синтаксический».

Все определения, имеющиеся во второй классификации, даны в плане выяснения лексических особенностей каждой группы, т. е. являются дифференциацией лексико-семантических значений групп «первого деления» (соотносительных с существительными, прилагательными и числительными) (стр. 242, 245, 248). Выпадают из общего плана определения личных и лично-указательных местоимений, возвратного местоимения и вопросительно-относительных местоимений. В разряде «личных местоимений» говорится о значении каждого местоимения в отдельности; эти частные значения не обобщаются. В определении возвратного местоимения указывается на отношение данного местоимения к другим словам, т. е. на его синтаксическую функцию — функцию, возникающую в предложении (стр. 241).

Вопросительные местоимения определяются лексически, относительные — синтаксически. Таким образом, в одном определении, относящемся к одной группе местоимений (она фигурирует как одна группа), смешиваются два аспекта (стр. 247).

Грамматические признаки не обуславливают необходимости разделения местоимений на разряды. Принципам, положенным в основу деления на разряды, определения разрядов местоимений, их характеристики не отвечают. Непонятно, каков грамматический смысл такого деления.

Лексико-семантическая дифференциация внутри тех или иных грамматических групп не только может, но и должна быть. Но такую классификацию нужно оговаривать, нужно разделять факты лексические и грамматические или указывать на их переплетение, взаимосвязь в соответствующих случаях.

В главе «Глаголы», в разделе «Категория вида» (стр. 309—333), автор, определив и описав вид как категорию грамматическую, заключает: «Некоторые лингвисты, принимая во внимание, что словесно-семантических различий между членами одной пары нет, считают, что члены одной видовой пары образуют одну лексему, т. е. являются грамматическими формами одного и того же слова, против чего, однако, можно возразить. Одной семантической близости для отнесения различных образований к одной лексеме недостаточно. Необходимы основания структурно-грамматические» (стр. 323). Такое «раскрытие» проблемы только дезориентирует студента. Сторонники «грамматичности» вида аргументируют ее не только семантической близостью глаголов.

Из материала, относящегося к переходности и непереходности, нельзя понять, считает ли автор это явление грамматической категорией. Он осторожно называет его

«различием грамматического порядка», которое связано и с лексическим значением (стр. 337).

Автор объясняет это различие с синтаксических позиций: «Глаголы, могущие иметь при себе прямое дополнение, выраженное винительным падежом, называются *переходными*» (стр. 334). Нужно было бы больше остановиться на этом сложном явлении, показать связь в нем лексического, синтаксического и морфологического.

3. При чтении «Морфологии» бросается в глаза отсутствие у авторов единства при разрешении проблемы историзма в курсе «Современный русский язык». Некоторые понимают под историзмом краткие справки из истории той или иной формы, той или иной категории, которые даются, когда речь идет об архаической форме, о двух вариантах одной формы, об особенностях какой-либо формы. Такие справки даны: о дееспричастиях (стр. 361), о кратких прилагательных (стр. 135). В некоторых главах есть целые параграфы о происхождении и историческом развитии форм и групп слов, например: о происхождении частиц (стр. 414), предлогов (стр. 453, 454), о развитии видовой системы (стр. 332). Едва ли нужны такие справки и параграфы: они дают очень неполное, поверхностное представление о процессе развития, повторяют то, что уже знакомо студентам, не прибавляя ничего нового.

Историзм в курсе современного русского языка — это освещение явлений современного русского языка в их движении, показ тенденций в развитии той или иной грамматической категории. Так в рецензируемой книге указывается направление процесса словообразования, отчасти, хотя очень бегло, — пути развития предлогов, наречий, категории состояния. Но большая часть материала представлена статически: имена существительные, имена числительные, местоимение.

Мало исторична и глава об именах прилагательных: в ней есть только упоминание о развитии кратких форм имен прилагательных, но не сказано о линиях развития относительных, притяжательных прилагательных. Автор главы «Глагол» также ограничивается в этом плане отдельными замечаниями. И ни один автор не дал себе труда суммировать материал, показывающий какую-либо часть речи или лексико-грамматическую группу слов в их динамике.

4. Не может удовлетворить в книге та ее часть, которая касается истории изучения вопроса. Едва ли помогает, например, в разъяснении главы «Части речи» справка об изучении состава и системы частей речи в русской грамматической литературе (стр. 37). В ней рассказывается о том, сколько частей речи находили в русском языке Ломоносов, Востоков, Шахматов, Пешковский. В отдельном параграфе изложена семантико-грамматическая классификация акад. В. В. Виноградова. Но остается непонятным, почему нет единообразного решения проблемы, что является причиной отсутствия единства в классификациях, т. е. почему не раскрывается существо проблемы.

Некоторые главы справедливо лишены подобных справок, например главы «Имя существительное» и «Имя прилагательное». В главах же «Союзы», «Наречие» хотя и есть специальные параграфы, посвященные истории изучения этих категорий, но они не связаны органически со всем изложением, являются искусственным добавлением, прикрасом. Как справочный материал они очень неполны. Думается, что такие параграфы нецелесообразно включать в учебное пособие: они не помогают глубже вникать в материал.

В некоторых главах справки «из истории вопроса» включаются в характеристику части речи или группы слов, например в главах: «Модальные слова», «Категория состояния», «Частицы», «Имя числительное». Это самая приемлемая форма. Но, к сожалению, в этих справках мы не находим ясно изложенной аргументации за и против выделения в особую часть речи категории состояния, в особую группу — модальных слов. Беспользны и справки такого рода, как о частицах (на стр. 412—413), со ссылками на Ломоносова, Востокова, Шахматова и др. Естественны вопросы: почему не выделяли частиц Ломоносов, Востоков и т. д.? Какое «очень верное определение» дал частицам акад. Шахматов? и т. п.

Хотелось бы найти в книге краткое, но обстоятельное изложение основных точек зрения на категорию вида и залога.

5. От такого пособия, каким является «Курс лекций», мы не можем требовать полной однородности в определениях и единства в терминологии. Но все же при редактировании книги можно было бы исправить и многие неудачные формулировки и не допустить небрежности в пользовании терминами. Далеко не всегда авторы думали о том, что студенты учатся по этой книге, стремятся понять и запомнить прочитанное. То, что иногда автором сказано «просто так», не терминологически, воспринимается студентом, как компонент определения, как определение. Хуже всего обстоит дело с использованием словами: «значение», «лексическое значение», «смысл», «семантика», «смысловое значение». В главе «Междометия» есть даже термин «познавательное-смысловый оттенок» (стр. 479). Нельзя согласиться с определением понятия «корень» (стр. 34).

Определение числительных сформулировано так, что под него нельзя подвести порядковые числительные, хотя автор и относит их, как видно из дальнейшего изло-

жения, к категории числительных (стр. 219). Неудачна характеристика наречий. В них семантические признаки перемешаны с морфологическими и синтаксическими; в разных значениях употребляется слово «обстоятельство» (см. стр. 362).

Вопрос о типе определения — очень сложен. Так как трудно в одном предложении охарактеризовать полностью ту или иную часть речи, то дается сжатая характеристика ее. Так сделано в главе «Имя прилагательное». Но очень полезно определение и такого типа, какое дано в главе «Имя существительное» (стр. 58, в конце § 1).

В сущности нет определения модальных слов. В данном в книге определении нет ничего лингвистического; непонятно, что значит «субъективно-объективное отношение» человека (стр. 405). Встречается много небрежных, неточных и спорных формулировок (например, на стр. 40, 224, 430, 487 и др.).

*

Книга, которую так долго и с таким нетерпением ожидали преподаватели и студенты филологических факультетов, не оправдала полностью возлагаемых на нее надежд. Лектору, читающему курс по морфологии современного русского языка, приходится эту книгу в значительной части корректировать и делать много оговорок, рекомендуя ее студентам. Но нельзя уменьшать и положительного значения этого труда как первого и большого шага к созданию учебника, нельзя отрицать, что в нем имеется большой и интересный материал.

В. М. Филиппова

Т. Лер-Сплавинский. Польский язык. Перевод с 2-го польского изд. И. Х. Дворецкого. Под ред. С. С. Высотского. Предисл. В. В. Виноградова. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954. XXIV, 368 стр.

Рецензируемая нами книга является переводом труда одного из крупнейших лингвистов Польской народной республики профессора Краковского университета Тадеуша Лер-Сплавинского¹. Книга эта состоит из «Предисловия» акад. В. В. Виноградова, дающего методологическую оценку книги, «Предисловий» автора ко второму и к первому изданиям, небольшого «Введения», текста самого труда, состоящего из одиннадцати глав, приложения, носящего название «Краткий обзор истории исследований польского языка», и краткого «Списка использованной литературы», составленного проф. Лер-Сплавинским.

Появление русского перевода книги виднейшего польского ученого следует расценивать самым положительным образом. Знакомая русских читателей-лингвистов с итогами научного изучения истории польского литературного языка, это издание вместе с тем служит важному делу укрепления научных связей между двумя братскими народами: русским и польским.

20 сентября 1951 г. научная общественность Польши отмечала шестидесятилетие со дня рождения и сорокалетие научной деятельности Тадеуша Лер-Сплавинского, обогатившего польское языкознание многими ценными достижениями.

На протяжении всей своей научной деятельности Т. Лер-Сплавинский занимается сложнейшими вопросами славянской акцентологии, посвящая ей ряд исследований. Всегда интересовали Лер-Сплавинского и вопросы родства и происхождения славянских языков и славянских народов. Этим проблемам также посвящены многие его работы, в том числе монументальный труд «О происхождении и прародине славян» (Познань, 1946). Проф. Лер-Сплавинский — автор грамматики старославянского языка (выходившей трижды: в 1923, 1930 и 1949 годах), грамматики чешского языка (1950) и грамматики русского языка (1950).

Внимание польского ученого всегда привлекали и языки вымерших западных и северных славян. Об этих языках имеется несколько его работ, среди которых в первую очередь следует назвать «Полабскую грамматику» (1929). Перу Лер-Сплавинского принадлежат также курсы практической грамматики польского языка и сборники орфографических упражнений, составленные им совместно с другими авторами.

Специально вопросам истории литературного польского языка Т. Лер-Сплавинский посвящает работы: «Проблема происхождения литературного языка» (1926), «Польский язык как зеркало культуры народа» (1935), «Замечания об языке „Вого-

¹ Т. Lehr-Splawinski, Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój, wyd. 2-e, Warszawa, 1951.